

Часть 1

ФЕРМА

1944

Он был не прямо-таки сиротой, а потерянным ребёнком, родившимся в 1939-м. Его отец служил в армии, был младшим офицером в штабе генерала Джорджа С. Паттона¹, служил на Второй мировой. Впервые мальчик увидел отца только в семь лет. Когда ему было четыре, мать взяла его — или, вернее, потащила — в Чикаго, где нашла работу на заводе боеприпасов: делала двадцатимиллиметровые снаряды. Она выросла на маленькой ферме на севере Миннесоты, всю жизнь

¹ *Джордж Смит Паттон-младший* (1885–1945) — один из главных генералов американского штаба во время Второй мировой войны. Принимал участие в боевых действиях в Северной Африке, на Сицилии, во Франции и Германии. Генерал Паттон погиб в результате несчастного случая в декабре 1945 года.

носила платья, сшитые из мешков для муки, и получала, если повезёт, двадцать пять центов в неделю. Здесь же почасовая оплата приносила ей, казалось, бесконечный поток карманных денег, но она была совсем не готова к соблазнам большого города. Она уходила то на вечеринки, то в запой, так что времени воспитывать сына у неё не оставалось. Она даже перестала отмечать его день рождения.

Слухи о её образе жизни дошли до небольшого клана родственников из Миннесоты. Бабушка мальчика работала поваром в дорожной бригаде стариков, которая прокладывала дорогу в Канаду. Дорога, ведущая из Соединённых Штатов в канадскую глубинку, была нужна на случай, если война затянется или на США нападут. В то время никто не мог быть уверенным, что в Америку никто не вторгнется. Внезапная атака японцев на Тихоокеанский флот в Пёрл Харбор на Гавайях и, через шесть месяцев после этого, их вторжение на Алеутские острова на Аляске — это случилось совсем недавно и внушало тревогу. Молодые мужчины со всей страны в это время служили в армии.

Бабушка вначале была недовольна, потом взволнованна и в конце концов пришла в ужас, когда узнала, что мать её внука не только гуляет больше, чем следовало бы, но даже таскает сына, одетого в маленькую военную форму, по барам, где он залезает на столы и поёт: «Едят овёс конь и олень, а плющ жуёт овечка. И дети плющ жуют, а ты?..»¹ Но у пятилетнего ребёнка выходило не очень разборчиво: «Еядавёскониалень. Аплюжжуёдавечка. Идетиплюжжуютаты?» Благодаря этой песенке его матери доставалось больше внимания.

Ему казалось, что это очень весело, потому что мужчины, которые хотели познакомиться с его матерью, голубоглазой привлекательной блондинкой, одаривали его кока-колой, конфетами, жареной курицей и гамбургерами. Всё это было трудно достать из-за строгого распределения еды в военное время. В возрасте пяти лет он стал своего рода знаменитостью в пивнушках возле завода боеприпасов.

Время, разумеется, постоянно, но оно по-разному течёт в разные моменты жизни.

¹ Фрагмент шуточной песни «*Mairzy Doats*», впервые вышедшей в 1943 году.

В старости года пролетают незаметно, но когда ты молод, очень молод, дни и недели еле ползут, а то и вовсе останавливаются. Мальчик «работал» в барах, привлекая мужчин для своей матери, всего около месяца, но ему уже казалось, что он так жил всегда. Пока бабушка, пришедшая в неопиcуемый ужас и решившаяся на скандал, не взялась спасти его от, как она считала, деградации и разврата.

Способ, которым бабушка решила проблему, определил его дальнейшую жизнь. И это научило его — и довольно рано — избавляться от проблем просто и практично: если не получается Здесь, попробуй Там.

Бабушка впервые показала ему такую возможность однажды летом. Его жизнь Здесь, в Чикаго, как считала она, не складывалась, зато были родственники Там, на фермах на севере Миннесоты. Да и сама она могла взять его к себе, на юг Канады, готовить еду для дорожной бригады и спать на раскладушке на передвижной кухне.

Вот так. Проблема решена. Вырвать мальчика из пут большого города и отправить жить по очереди на фермы многочисленных родственников и, в какой-нибудь момент,

с ней в трейлере-кухне. Бабушка написала его матери лаконичное письмо, в котором приказывала посадить мальчика на поезд.

И мать повиновалась. Она отвезла его на станцию, откуда он должен был проехать четыре сотни миль до Миннеаполиса, пересечь на более медленный поезд, который провезёт его ещё четыреста миль до Интернешнл-Фоллс в Миннесоте, на канадской границе. Там его встретит абсолютно незнакомый человек и вместе они проедут последний отрезок пути до первой фермы, которую выбрала бабушка.

Пятилетний ребёнок. Совершенно, абсолютно один.

Его путешествие пришлось на разгар военного времени, когда по миру, по США перемещались огромные количества людей: толпы отчаявшихся солдат и гражданских перетекали от побережья к побережью¹ — отправлялись на войну, возвращались с войны, воевали на войне. Путешествия по воздуху — на простых двухмоторных винтовых самолётах,

¹ Имеются в виду побережья Тихого и Атлантического океанов, т.е. самая западная и самая восточная части США.

которые летали невысоко и недалеко, — обычному гражданину были недоступны. А поскольку купить шины, масло или бензин, необходимые военным, было практически невозможно, о поездках на машине тоже оставалось только мечтать.

Но железные дороги были повсюду. Все ездили на поездах. Во всех направлениях, круглосуточно, в битком набитых вагонах. Короткие маршруты, длинные маршруты, медленные поезда, скорые — не важно. Главное — найти место, потому что военным, передвигающимся по всей стране, отдавался приоритет.

Мать отвезла мальчика на станцию в Чикаго, снабдив маленьким картонным чемоданом. На грудь, на его потёртый вельветовый пиджачок она приколола лист, на котором были написаны его имя и пункт назначения. Потом сунула ему в карман пятидолларовую купюру, быстро обняла и передала кондуктору. Кондуктор — добродушного вида пожилой мужчина в очках и с серебряным компостером для билетов — уверил её, что за ребёнком будут «внимательно следить». Едва та отвернулась, как он пихнул мальчика

на сиденье между двумя ранеными солдатами, возвращавшимися домой на лечение, и исчез. И не появлялся до самого конца.

Мальчик, разумеется, трепетал перед солдатами и хотел засыпать их вопросами. Убили ли они какого-нибудь немца или японца? Знали ли они его отца? Где их винтовки? Но солдаты проспали всю дорогу от Чикаго до Миннеаполиса — вероятно, из-за лекарств. Мальчику пришлось удовлетворять своё любопытство, разглядывая кровавые пятна на их повязках.

Хотя поезд был, по идее, высокоскоростным экспрессом, он еле тащился. От Чикаго до Миннеаполиса можно было доехать за одиннадцать часов, но из-за постоянных остановок поездка заняла целый день и ночь.

Довольно скоро мальчику стало скучно, а потом и невыносимо. Он затолкал свой чемоданчик под сиденье, аккуратно протиснулся между спящими солдатами и отправился исследовать поезд. Он тут же узнал, что, по сути, это передвижной госпиталь. Почти все места занимали раненые, и многим из них было куда хуже, чем тем двоим. Мальчик видел гипсовые панцири, закрывавшие половину тела, и повязки, из-за которых

руки торчали в стороны. Бессчётное количество перевязанных кровоточащих ран, ужасные блестящие красные ожоги. У некоторых пассажиров не было руки или ноги.

В этом поезде он увидел лицо войны, которое не показывают широкой публике. Тогда ещё не было телевидения, но на каждом углу стояли ларьки с газетами, в которых писали про то, как люди сражаются, получают ранения, умирают. То и дело в них печатали фотографию мёртвого вражеского солдата, но на этих фотографиях тела были чистыми, почти не тронутыми, как будто эти люди просто спали. В газетах никогда не печатали слишком жутких фотографий.

Но здесь, в этом поезде, мальчик увидел жестокую правду, настоящую цену войны. Он был слишком мал, чтобы понять большую часть того, что находилось перед его глазами. Но он знал, что Америка — большая страна, и по всей стране проложены железные дороги, и по всем железным дорогам ездит бессчётное количество поездов. Он задумался о том, что если в каждом поезде так много раненых и поломанных людей, разве остались ещё те, кто способен воевать?

До этой прогулки по вагонам он был уверен, что если кому-то из этих солдат не повезёт быть раненым, то они отделаются незначительными царапинами, которые быстро заживут под небольшими повязками. Он никогда не думал, что на войне могут ранить столь серьёзно.

Он бродил из вагона в вагон. Его голова кружилась от огромного количества раненых, приторного запаха крови, тошнотворного запаха медицинского спирта и мёртвого запаха застарелой мочи.

Наконец, пройдя три или четыре вагона, аккуратно перепрыгивая гроыхающие промежутки между ними, мальчик нашёл вагон-ресторан. Стоявший там едкий и жёсткий запах жарящейся в жире еды только отчасти перекрывал запах раненых.

И вдруг он подумал об отце. У матери на тумбочке стоял его чёрно-белый портрет с щеками, подкрашенными розовым, чтобы фотография выглядела живее. Мать клала эту фотографию лицом вниз, когда к ней приходили мужчины. Мальчик думал о том, что его отец может быть в одном из таких поездов с ранеными, может быть в одиночестве, или — ещё хуже — погибнет до того, как они